

А вдруг художественный вымысел ближе к истине,
чем документалистика, ставшая приютом лжецов?

НАССИМ ТАЛЕБ. ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ.
Под знаком непредсказуемости*

* Талеб Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, 2024. С. 141. — *Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Рэй Винавер мечтает о жизни на острове

Я не могу точно вспомнить, когда стал мечтать о тропическом острове. Кажется, это началось еще в школе, а может быть, позже, в колледже, но точно уже после смерти отца и исчезновения матери. В те недолгие утренние минуты, когда я оставался наедине с собой в душе или туалете, я представлял, как бросаю все, сажусь в самолет или поднимаюсь на борт парохода и отправляюсь на далекий островок, где меня ждет маленький уютный домик, из окон которого открывается вид на океан.

Летом на моем острове бывало жарко, но весной и осенью дни стояли теплые и мягкие и с океана дул прохладный ветерок. Проходившие вдоль берега сухогрузы подавали громкие протяжные гудки, а по ночам на мысе загорался маяк, и луч его проникал в мою комнату и освещал ее нехитрое убранство — стол, пару плетеных стульев, шкаф с книгами, несколько фотографий на стенах. И гамак, висевший посреди комнаты.

В гамаке лежал я. Голый. А рядом со мной спала девушка. У моей подруги было длинное и сложное туземное имя, но для краткости я звал ее просто Бет... или Сэнди... или Джилл. Она говорила на чудовищной смеси английского, французского и голландского, щедро приправленной индейскими ругательствами. Я не всегда ее понимал. Впрочем, говорила она мало. Она приходила ко мне по вечерам два-три раза в неделю и занималась со мной любовью. А потом засыпала у меня под мышкой. А я лежал и смотрел, как каждые три минуты луч маяка проникает в комнату сквозь жалюзи, освещая стол, стулья, шкаф, гамак и мою спящую подругу. Мне хотелось курить, но я не хотел беспокоить девушку. Я лежал и слушал звуки ночи: далекий лай собак, лязг железных механизмов в порту и гудки пароходов.

А потом я засыпал, и мне снились сны, в которых причудливо перемешивались прошлое и настоящее, большой город и тихие лагуны, автомобили и запряженные быками повозки, снегопад и тропический ураган. Иногда во сне ко мне являлись люди, которых я знал когда-то. Многие из них уже умерли, следы других затерялись. Но в моих снах они вновь оживали и становились участниками фантастических историй, иногда страшных, иногда смешных.

Утром, когда я просыпался, моей подруги обычно уже не было рядом. Она весело гремела посудой в крошечной кухоньке, что-то напевая. А через пару минут приходила ко мне, держа в руках

чашку кофе — иногда слабым, но я пил его и с удовольствием вспоминал, чем мы с моей девушкой занимались ночью. Она болтала что-то на своем варварском наречии, кажется, не слишком заботясь о том, слушаю я ее или нет. Потом надевала свою нехитрую одежду и расчесывала гребнем длинные черные волосы перед маленьким круглым зеркалом, висевшим на стене. А я смотрел на нее и пил кофе.

Мои мысли обычно прерывал голос соседа по комнате:

— Ты выйдешь когда-нибудь из сортира, Рэй?

Рэй рассказывает о своей жизни в Нью-Йорке

Доктор Джозеф Симмонс, психотерапевт, к которому я начал ходить после того, как Клэр бросила меня, совершенно не удивился моим фантазиям.

— Это довольно распространенное явление, — объяснял он, легонько постукивая карандашом по блокноту, который держал в руках. — Устойчивое желание субъекта куда-то уехать говорит о том, что его что-то не устраивает в реальной жизни — работа, отношения с партнером, финансовые трудности, и он мечтает перенестись в некое место, где, как ему кажется, этих проблем не будет. Что не устраивает вас, Рэй?

На этом вопросе я обычно надолго зависал, потому что меня в то время не устраивало решительно все. Мой брак лежал в руинах, а карьера в издательстве «Брукс и Ганвик», где я работал редактором отдела нон-фикшн, окончательно зашла в тупик. Я как будто застрял в лифте между этажами. И чувствовал, как постепенно утрачиваю способность

поддерживать те немногие человеческие связи, которые у меня были. Я погружался в одиночество, как в воду, и бултыхался, стараясь удержаться на поверхности.

— Так что же вас не устраивает, Рэй? — мягко спрашивал меня доктор Симмонс. — Давайте поговорим об этом.

Я понимал, что доктор хочет мне помочь, но все равно отчаянно сопротивлялся его попыткам влезть ко мне в душу. Наверное, я изрядно раздражал мистера Симмонса, но он был терпелив, и у меня сохранились о нем хорошие воспоминания. Если бы мне было нужно выставить доктору Симмонсу оценку, как фильму в онлайн-кинотеатре, он получил бы от меня семь звезд из десяти, а может быть, даже и семь с половиной.

Помог ли он мне? Сложный вопрос, на который я и сейчас не могу ответить определенно. Наши разговоры с мистером Симмонсом продолжались около года, а потом доктор вдруг закрыл нью-йоркскую практику и уехал в небольшой городок в Оклахоме. Мне страсть как хотелось узнать, что случилось, но я стеснялся спросить. Как большинство уроженцев Нью-Йорка, я считал этот город пупом земли, куда все стремятся. Всякое движение в ином направлении означало для меня поражение. По утрам, идя по Седьмой улице по направлению к издательству, я раздумывал над тем, что могло заставить мистера Симмонса уехать. Более высокие гонорары? Проблемы со здоровьем? Сентиментальные воспоминания юности? Перебрав обычные

причины, я переходил к необычным. Что, если доктор украл деньги мафии? Или вступил в связь с женой влиятельного человека, который теперь угрожал ему расправой? От мысли, что полноватый розовощекий Симмонс, немного похожий на купидона, мог стать участником кровавой любовной драмы, мне становилось смешно, и настроение мое немного улучшалось.

Перед отъездом Джо Симмонс, как порядочный врач, передал меня своему коллеге — некоему доктору Джейкобсу, которого рекомендовал в самых лестных выражениях. Но к Джейкобсу я не пошел, а вместо этого принялся осуществлять план, сложившийся к тому времени у меня в голове. План этот состоял, строго говоря, из двух пунктов — найти новую работу и новую женщину.

За долгие годы пребывания в издательстве «Брукс и Ганвик» я кое-что узнал о книжном бизнесе и решил попробовать продавать книги. У меня был приятель по имени Джеффри Блюменштейн, аналитик в крупном инвестиционном банке на Уолл-стрит. Всю жизнь он работал с нефтяными компаниями и, как всякий человек, долго занимавшийся одним и тем же делом, страдал от профессиональной деформации — описывал окружающий мир в терминах знакомого ему бизнеса. От него я узнал, что в мире углеводородов существуют такие понятия, как *upstream* — добыча и первичная транспортировка — и *downstream* — переработка и сбыт. Когда я впервые рассказал Джеффри о своей работе в «Брукс и Ганвик», он воскликнул:

— О! Да ты работаешь в книжном upstream'e!

— Не понял, — сказал я.

— Ну что же тут непонятного? — изумился Джефф. — Издательства — это upstream, а книжные магазины — downstream!

Эта странная аналогия запомнилась мне на всю жизнь.

Так вот, я решил открыть книжную лавку. В Нью-Йорке план этот мог показаться вполне разумным, но я знал, что в огромном городе находилось место всем и что в тени гигантов выживало множество небольших специализированных магазинчиков — главное было найти свою нишу.

Я обсудил этот вопрос с Джеффри Блюменстейном в пятницу после работы. Мы с ним пили пиво в баре на Девятнадцатой улице.

— Людей по-настоящему интересуют только две вещи — секс и смерть, — сказал Джефф, сделав большой глоток. — Значит, тебе нужно продавать либо порнографию, либо религиозную литературу.

Мне не нравилось ни то ни другое, но я был согласен с Джеффри — требовалось что-то, что действительно интересовало людей. И тут я вспомнил свою бывшую жену Клэр. Она увлекалась астрологией, нумерологией и тому подобной эзотерической ерундой. Помню, как-то раз, в начале нашего знакомства, я заехал за ней перед концертом одной модной инди-рок-группы. Тогда, кажется, я впервые и оказался в ее квартире-студии, напоминавшей студенческое общежитие: неубранная постель, пустые коробки из-под пиццы и гора немытой посуды

в мойке. Пока Клэр одевалась в ванной комнате, я рассматривал содержимое ее книжных полок. Ни какой мало-мальски серьезной литературы я там не обнаружил, зато нашел уйму книжек и брошюр про гороскопы, карты Таро и обмен психической энергией.

— Ты что, увлекаешься астрологией? — спросил я Клэр, когда она вышла ко мне.

— Да, — просто ответила она, нанося последние штрихи губной помадой. — А что?

— Нет, ничего. Просто мне эта концепция никогда не казалась убедительной.

— Ты просто никогда не пытался разобраться всерьез, — снисходительно сказала Клэр. — На самом деле это очень интересно!

— Не сомневаюсь, — вежливо кивнул я.

Впоследствии Клэр не раз пыталась увлечь меня эзотерикой, но без особого успеха. Тем не менее благодаря жене я узнал, что книги об ауре, переселении душ и астральных телах имеют довольно большую и преданную аудиторию. И когда встал вопрос о том, какие книги продавать в моем будущем магазине, я подумал: а почему бы не по астрологии? В конце концов, книготорговец не обязан верить во все, чем он торгует!

Рэй решает переселиться на Барбадоссу

Я продержался на рынке примерно пять лет — ровно столько, сколько живет в Америке средне-статистический малый бизнес. Бывали годы более удачные, бывали менее, но в целом мне удавалось сводить концы с концами и даже немножко откладывать. Убила мой бизнес не цифровизация и не конкуренция книжных монополий. Меня подкосил ковид — в прямом и в переносном смысле.

Когда разразилась пандемия и начались локдауны, я даже слегка приободрился. Мне представлялось, что, оказавшись взаперти, люди просто вынуждены будут больше читать и продажи вырастут. Мой прогноз в общем и целом оправдался, но я от этого ничего не выиграл. Все сливки собрал «Амазон», а мелкие торговцы разорялись один за другим. Много месяцев спустя, когда я уже жил на Барбадоссе, мне в руки попался журнал с довольно толковой статьей о книжном рынке. Там я прочитал, что в 2020 году в США каждую неделю

изоляции закрывался как минимум один книжный магазин. В этом длинном списке потерь затерялся и мой маленький бизнес. Я даже испытал что-то вроде гордости, ощутив себя частью глобального тренда. Всегда приятно сознавать, что твой крах стал следствием не только личных ошибок, но и обстоятельств непреодолимой силы.

Катастрофу довершило то, что я сам заболел. Это случилось в один из первых дней сентября 2020 года. Вечером я вдруг почувствовал озноб и решил померить температуру. Термометр показал около ста градусов по Фаренгейту. Я малодушно пытался уверить себя, что это не ковид. Приняв лошадиную дозу парацетамола, пораньше улегся в постель в надежде, что к утру полегчает. Черта с два! Утром я не смог оторвать голову от подушки. Теперь я понимаю, что несколько дней болтался где-то между жизнью и смертью, и воспоминания эти не доставляют мне ни малейшего удовольствия. Я провел несколько дней в Бруклинском медицинском центре, а потом еще недели три провалился дома. Кажется, именно тогда впервые и всплыло название Барбадосса.

Должен признаться, что, несмотря на все перемены, которые произошли в моей жизни после бесед с милейшим доктором Симмонсом, мысли о тропическом острове не покидали меня. Каждое утро, взгромоздившись на толчок, я представлял себе, как сажусь в самолет и лечу куда-то на Карибы. Приходилось признать: либо с моей жизнью по-прежнему что-то было не в порядке, либо

любезный доктор ошибался. Я не мог остановиться ни на одной из этих двух версий, но каждое утро воображал, как стою на веранде небольшого дома и смотрю оттуда на расстилающийся передо мною лазурный океан.

Помню, как в один из дней я лежал в постели, на несвежей, пропитанной потом простыне, и листал большой географический атлас от «Нэшнл Джеографик». Я с детства любил рассматривать карты и к семи годам выучил названия всех стран мира и их столицы. Никаких особых выгод в жизни мне это знание не принесло. Разве что пару раз удалось блеснуть эрудицией в компании. «Столица Намибии? Виндхук, конечно. Неужели вы не знаете?»

Так вот, я лежал в постели и листал этот огромный том, пока не дошел до карты, на которой была изображена запятая Малых Антильских островов. Я никогда не бывал ни на одном из них, но все равно считал эти островки своими старыми знакомыми. Я лежал и думал, где бы хотел жить, если бы представилась возможность? Не могу объяснить, почему мой выбор пал именно на Барбадоссу. Скорее всего, мне просто нравилось слово. Я полез в «Википедию» и стал читать.

История Барбадоссы мало отличалась от истории ее соседей. Открыл остров в начале XVI века кто-то из сподвижников Колумба, и он почти на двести лет стал испанским. Затем им последовательно владели португальцы, французы, голландцы и даже недолго датчане, пока, наконец, в начале XVIII столетия здесь не утвердились британцы. Они

ввели на острове левостороннее движение и привили местным жителям любовь к крикету. Официальным языком, понятное дело, стал английский, но большинство населения говорило еще и на местном наречии — папьяменто, адской смеси английских, французских, голландских и испанских слов. Жила Барбадосса за счет туризма, офшорных компаний и переработки нефти, которая доставлялась сюда с южноамериканского побережья из Барбадоса по подводному морскому трубопроводу. Показатели среднедушевого ВВП и детской смертности выглядели вполне прилично. Столица, город Сент-Джорджес, в основном была застроена невысокими одно-двухэтажными домиками в голландском стиле, и только в даунтауне, в районе порта, островитяне решились возвести несколько «небоскребов» высотой, страшно сказать, в шестнадцать-двадцать этажей. Климат на острове был приятным, сухой сезон длился с декабря по июнь. Среднегодовая температура равнялась двадцати шести градусам по Цельсию. Я попытался в уме перевести это в градусы по Фаренгейту, но не смог. Остров лежал за пределами главного атлантического пояса ураганов, но время от времени в этом глобальном климатическом механизме что-то ломалось, и тогда на Барбадоссу приходили тропические ураганы. Как свидетельствовали многолетние наблюдения метеорологов, сильный катаклизм обрушивался на остров примерно раз в десять лет. Последним заметным событием в этом ряду стал ураган «Фиона» в 2004 году. «Вполне приемлемо», — подумал я.

Природа там радовала глаз. Вдоль западного побережья тянулись многокилометровые песчаные пляжи. В этой части острова, слегка всхолмленной, располагались отели, поля для гольфа и крикета и прочие туристические радости. К востоку рельеф поднимался, и холмы превращались в горы. Высшей точкой Барбадоссы и местной достопримечательностью был потухший вулкан Мауна-Браво — 3567 метров над уровнем моря.

Я не заметил, как задремал. И мне приснился удивительный сон. Я был на Барбадоссе. Светило солнце, с океана дул легкий бриз. Вокруг раскинулся бескрайний песчаный пляж, по которому бегали веселые молодые люди. Правда, одеты они были не так, как положено на тропическом острове, — в куртки и шапочки. Но это неважно! Нельзя же требовать реализма от сна не совсем здорового человека. Молодые люди запускали разноцветных змеев, и я бегал и запускал змеев вместе с ними.

Проснулся я в необыкновенно хорошем настроении и некоторое время лежал, пытаюсь понять, почему этот короткий сон оставил такое приятное послевкусие. И понял — я видел небо. Раньше в снах я никогда не смотрел наверх и не знал, что там надо мной. А в этот раз — смотрел и видел над собою синее-синее небо и парящих в нем красно-желто-зеленых змеев. Я несколько минут вертел в голове это воспоминание, как вертят в руках красивую безделушку, а потом снова заснул. Успокоенный.

Рэй переезжает

С того дня мысль переехать на Барбадоссу поселилась во мне и стала расти, как ребенок во чреве матери. Немного очухавшись после болезни, я встретился со своим бухгалтером Бертом Циммерманом, и он подтвердил мои худшие опасения: бизнес загибается. Надо было что-то делать — просить банк об отсрочке платежей или немедленно искать инвестора. Я решил не делать ни того ни другого и в начале января 2021 года подал в окружной суд Нью-Йорка заявление о банкротстве.

Можно сказать, я легко отделался. Мне не пришлось продавать почку, чтобы расплатиться с кредиторами. После завершения судебных процедур у меня даже осталось немного денег и кое-какие ценные бумаги, которые я быстренько превратил в наличные. На вырученные средства я купил маленький домик в старом районе Сент-Джорджеса, название которого — Тортуга-Флэт — хранило память о славных пиратских временах. Всю жизнь я был тяжелым на подъем человеком, и даже

поездка к друзьям в Бостон становилась для меня испытанием, к которому нужно было морально готовиться несколько дней. И я боялся, что переезд на Барбадоссу превратится в настоящий кошмар. Но этого не случилось! Все шло как-то на удивление легко, и к концу февраля 2022 года с прежней нью-йоркской жизнью было покончено.

Рэй читает книгу о Борисе Годунове

Когда я укладывал в чемодан последние вещи, подумал, что хорошо бы взять с собой что-то почитать в дорогу. Перелет предстоял довольно долгий, с пересадкой в Зурбагане. Что делать все это время? Спать? Смотреть кино? Наверняка будут показывать какое-нибудь старье, которое я уже сто раз видел. Я подошел к картонной коробке, в которую были свалены книги, вытащил, особо не выбирая, пару не слишком толстых томов и сунул их в дорожную сумку.

Когда самолет взлетел и все вокруг успокоилось, я достал книги и рассмотрел их внимательнее. Одна из них принадлежала перу нобелевского лауреата Даниэля Канемана и называлась «Думай медленно... решай быстро». Вообще-то я люблю такое чтение, но в тот день мне хотелось чего-то другого. Я отложил Канемана и взял вторую книжку. Она называлась «Борис Годунов: неудачная попытка» и принадлежала перу некоего Алекса Коновалоффа.

Я с недоумением повертел книжку в руках. Выпустило «Неудачную попытку» небольшое, но вполне приличное нью-йоркское издательство «Сван энд Шустер». Самое интересное, что я не помнил, как она у меня оказалась. Вряд ли я заказывал ее, все-таки история не была моим профилем. Может быть, просто издательство прислало экземпляр? Немного поколебавшись, я открыл «Неудачную попытку» и стал читать с середины страницы: «Начало царствования Годунова было многообещающим. Он на год освободил всех крестьян от податей, купцов — от пошлин, иноверцев — от налогов. Денежные выплаты получили социально незащищенные группы населения — вдовы, сироты, нищие. Была объявлена амнистия и отменена смертная казнь. Если где-то случалось стихийное бедствие — наводнение или пожар, — туда сразу же высылались продовольствие, деньги из государственной казны...»

Честно говоря, я плохо знал русскую историю и не мог судить, насколько точен и объективен был в своих оценках мистер Коновалофф, но образ Годунова, который он рисовал, мне нравился. Умеренный реформатор, желавший переустроить свою страну на разумных основаниях, используя в том числе и западный опыт. Некровожадный человек, давший народу возможность перевести дух после репрессий Грозного. Что же случилось? Почему попытка оказалась неудачной?

Я читал книгу не отрываясь почти весь полет и успел добраться до главы о последних годах царствования Годунова: «Четыре неурожайных года

подряд вызвали страшный голод. Современники писали, что подобных времен “не помнили ни деды, ни прадеды”. Голод был таким, что съели не только весь домашний скот, но и собак, кошек, крыс и мышей... Случаи каннибализма отмечались повсеместно... Путнику опасно было ночевать на постоялом дворе — его могли зарезать и съесть... Народ тут же во всем обвинил царя. Видимо, Годунов чем-то не угодил Господу, рассуждала чернь, и тот покарал русскую землю. Экономический кризис, как водится, вызвал политический...»

К сожалению, я не дочитал «Неудачную попытку». Во время пересадки в Зурбагане я забыл сумку, в которой лежала книжка, на кресле в зале ожидания. Думал, что закажу новую на «Амазоне», но в суматохе последующих недель в Сент-Джорджесе напрочь забыл о русском царе Годунове и его печальной судьбе.

Рэй обживаетея на Барбадоссе

Как, наверное, всякий человек, круто изменивший свою жизнь, я пережил несколько трудных месяцев. Дом, который я приобрел, был несколько меньше и находился несколько дальше от океана, чем мне хотелось. Но потом, когда я лучше узнал местную жизнь и цены, я понял, что агентство не подвело меня и подыскало, пожалуй, лучший вариант из тех, на какие можно было рассчитывать с моими деньгами. Дом был двухэтажным. На первом этаже имелось довольно большое открытое пространство, соединявшее в себе кухню, столовую и гостиную, еще там был туалет для гостей и маленькая комнатка, в которой я устроил себе кабинет. На втором этаже размещались две спальни с общей ванной комнатой. Кроме того, в доме имелся просторный подвал, где можно было бы поставить бильярд или спортивные тренажеры, но я просто свалил там ненужные вещи.

Больше всего в доме мне нравилась маленькая веранда, выходящая на улицу, там я любил

сидеть по вечерам и смотреть на проходивших мимо людей. Дом стоял не прямо на улице, а немного в глубине и был отделен от тротуара небольшим палисадником, где росли бугенвиллеи. Улица, на которой я теперь жил, называлась Оук-стрит — Дубовая улица, хотя никаких дубов я там, честно говоря, не встречал. Район Тортуга-Флэт, застраивавшийся в основном в 1950-е годы, лежал на холме, и Оук-стрит была его центральной улицей, круто спускавшейся к даунтауну и порту. Чем-то она напоминала мне знаменитую Калифорния-стрит в Сан-Франциско, только без небоскребов и канатного трамвая.

Оставшихся после покупки дома денег было явно недостаточно для того, чтобы бездельничать всю оставшуюся жизнь. Поэтому первые месяцы после переезда я напряженно размышлял над тем, чем бы мне заняться. Я был не против вернуться к работе по найму. Но кем бы я мог здесь стать? Университета, где я преподавал бы, скажем, историю американской литературы, на Барбадосе не было. Книжного издательства, гдегодились бы мои умения и опыт, на острове тоже не имелось. Что оставалось? Бармен? Портье? Таксист? К такому понижению социального статуса я не был готов. И в итоге опять открыл магазин.

Получилось это, в общем-то, случайно. Однажды, проходя по Буканир-стрит в районе порта, я увидел пустующее помещение на первом этаже жилого дома. Яркие-красные баннеры на давно не мытых окнах извещали, что оно сдается в аренду.

Что там было раньше, не знаю, но место мне понравилось. Я подошел вплотную к большому витринному окну и приложил к нему ладони, стараясь получше рассмотреть, что там внутри. Как и следовало ожидать, ничего интересного я не увидел: большая пустая пыльная комната, на полу которой валялись какие-то деревяшки и обрывки бумаги. Я позвонил по телефону, указанному на баннере, и мне ответил приятный мужской голос. Это был агент по продаже коммерческой недвижимости Джордж Килимангопе. В реальной жизни он оказался могучим темнокожим мужчиной, добродушным и неторопливым. Его родители были, кажется, выходцами из Ганы. Сам Джордж родился на Барбадосе и всю жизнь прожил на острове. Он знал все входы и выходы и помог мне решить проблемы с лицензиями, разрешениями и прочей местной бюрократией. После завершения сделки мы остались приятелями и иногда пропускали по бокалу пива в «Олд Йорке», а потом, когда Тони Каммингс открыла на Девенпорт-стрит бар «Дэнделайон», — у нее.

Мне было бы привычнее и приятнее открыть книжный магазин, но я понимал, что здесь это не сработает. Поэтому вместо книжного на Буканир-стрит появился сувенирный магазин, рассчитанный на приезжавших в Сент-Джорджес туристов. Правда, среди кружек, магнитиков, надувных дельфинов и тарелок с изображением карты острова можно было найти и книги, но это были в основном детективы и любовные романы в мягких

обложках — то, что можно почитать, лежа на пляже или сидя на палубе круизного лайнера.

Каждый будний день я садился в старый подержанный «субару» с правым рулем и спускался в район порта, где проводил восемь честных рабочих часов. Иногда, для разнообразия, ехал на работу на «автобусе» — ярко раскрашенной колыхаге, принадлежавшей компании, которую держали местные китайцы. По пятницам иногда задерживался после работы «внизу» и заходил выпить и посмотреть футбол или крикет в одном из многочисленных пабов. Иногда отправлялся на свидание, если было с кем. Один из выходных дней обычно посвящал разбору счетов и деловой переписке, а второй — чтению и просмотру сериалов или же отправлялся на пляж в западную часть острова.

И спустя некоторое время я с удивлением обнаружил, что более или менее точно воспроизвел на Барбадосе свою нью-йоркскую жизнь. Да-да, все было как прежде: бизнес, счета, кредиты, поставщики, нехватка денег, короткие связи. И все же я не жалел, что переехал. Что было тому причиной? Приятный мягкий климат, более медленный темп жизни или океан, дыхание которого чувствовалось здесь повсюду? Не знаю. Но могу твердо сказать одно: заходя утром в ванную комнату, я больше не воображал, что сажусь в самолет и куда-то лечу.